

Ткацкая мастерская находилась справа от уездной управы - идти было недалеко, примерно на одну палочку благовоний. Стоя у ворот, Нин Гуйчжу не мог оценить её размеры, но стоило войти внутрь, как стало ясно - большая часть пространства всё ещё пустует, людей здесь совсем немного.

Уездный судья Чэнь, похоже, бывал здесь часто и спокойно шёл впереди, ведя их дальше. Постепенно стали слышны голоса. Перед ними открылся строгий, простой двор. Над воротами висела табличка с тремя иероглифами: «Школа ремёсел».

В тот момент, когда Нин Гуйчжу прочитал надпись, у него будто загудело в голове - он смутно ощутил, какие амбиции стоят за этим местом.

Уездный судья Чэнь с улыбкой сказал:

— Пойдёмте, покажу вам ткацкий класс.

Он уже вошёл внутрь, а Нин Гуйчжу на мгновение остался на месте. Сюн Цзиньчжоу удивлённо махнул рукой перед его лицом:

— Чжу-гер, что с тобой?

Нин Гуйчжу пришёл в себя и облизнул пересохшие губы:

— Ничего, пойдём быстрее.

Они поспешили догнать уездного судью и вошли в помещение. С порога было видно: внутри стояли целых десять новых ткацких станков. Уже собрались люди - заметив их, они с любопытством посмотрели в сторону входа.

— Приветствуем, господин.

Женщины и геры внутри сложили руки в приветствии. По их движениям и выражению лиц было видно - они чувствуют себя скованно.

Уездный судья Чэнь кивнул и слегка отступил, выводя вперёд Нин Гуйчжу:

— Это ваш учитель - Нин Гуйчжу.

Люди снова поклонились:

— Учитель.

Нин Гуйчжу шагнул вперёд и ответил поклоном.

Уездный судья Чэнь, убедившись, что они познакомились, вышел на пару шагов наружу. Сюн Цзиньчжоу остался у входа, окинул взглядом незнакомых людей и сказал Нин Гуйчжу:

— В полдень приду за тобой, пойдём обедать.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу проводил взглядом уходящего Сюн Цзиньчжоу, затем повернулся к людям в зале и с улыбкой сказал:

— Тогда начнём.

Новая ткацкая машина казалась простой, но только для тех, у кого уже есть опыт. Большинство из присутствующих никогда раньше не ткали, да и с обучением у них было туго. Самой большой трудностью для Нин Гуйчжу стало объяснить самые базовые действия, буквально разложить всё по шагам. Это было всё равно что просить студента научить трёхлетнего ребёнка решать задачи по математике: у того просто ещё нет нужного мышления, и он может задавать самые неожиданные вопросы.

Нин Гуйчжу не хотел начинать с тупого заучивания.

...

Слушая доносящиеся из класса объяснения, уездный судья Чэнь выглядел довольным. Он улыбнулся и сказал Сюн Цзиньчжоу:

— Парень, тебе просто невероятно повезло заполучить такого супруга.

Сюн Цзиньчжоу приподнял бровь:

— Значит, нам так было суждено.

Увидев его самодовольный вид, уездный судья покачал головой и поторопил его:

— Хватит тут стоять, иди патрулируй. Целыми днями бездельничаешь, ещё и жалованье урежу.

— ...Как это бездельничаю? Ещё рано же! — возмутился Сюн Цзиньчжоу.

Не дожидаясь ответа, он быстрым шагом скрылся за поворотом. Уездный судья Чэнь недовольно фыркнул:

— Всё более распускается...

Но, вспомнив о появившемся благодаря ему учителе, он снова повеселел. Ну и пусть распускается, лишь бы дело делал. Всё это в будущем станет его заслугами.

Вернувшись в управу и собравшись с другими стражниками, Сюн Цзиньчжоу повёл их на патруль. Когда они дошли до улицы, где утром завтракали, он вдруг вспомнил и сказал:

— Ма Ван, у тебя есть с собой медные монеты? Одолжи мне сорок, в следующем месяце верну.

Ма Ван в замешательстве спросил:

— Начальник, ты уже потратил всё жалованье?

До следующей выдачи ещё почти полмесяца.

Сюн Цзиньчжоу почесал нос:

— Ну... я же отдал деньги своему фулану. В месяц всего пятьдесят вэнь, почти всё уже ушло.

— Пятьдесят вэнь?! — стражники переглянулись. — Этого же даже на еду не хватит.

При этих словах уголки губ Сюн Цзиньчжоу приподнялись:

— Еда, которую готовит Чжу-гер, куда вкуснее покупной. Утром и вечером я ем с ним, да и тратить деньги особо не на что.

Все: «.....»

Почему-то зубы свело от кислого.

Не понимая его логики, Ма Ван порылся в кошельке и отсчитал ему пятьдесят вэнь.

— Спасибо.

Сюн Цзиньчжоу взял деньги и пошёл в лавку с лапшой в соусе:

— Хозяин, я пришёл заплатить за утреннюю еду.

Хозяин как раз убирался. Услышав это, он удивлённо обернулся:

— За еду? Разве уже не заплатили?

Сюн Цзиньчжоу сам опешил:

— Когда это заплатили?

Хозяин ответил:

— Тот молодой парень, что был с вами, ваш фулан заплатил.

Сюн Цзиньчжоу на мгновение застыл, посмотрел на монеты в руке и почему-то вдруг обрадовался. Он быстрым шагом вернулся к товарищам, отдал Ма Вану занятые деньги и, не дожидаясь вопросов, сам сказал:

— Мой фулан уже заплатил.

Слова прозвучали сдержанно, но в голосе явно слышалась радость, а уголки губ слишком уж поднялись, так, что хотелось отвернуться и не смотреть.

.

Нин Гуйчжу целое утро объяснял теорию. Когда раздался гонг, возвещающий окончание занятий, в голове у него тоже загудело.□□

Все ученики встали и почтительно поклонились:

— Учитель, прощаемся.

Нин Гуйчжу резко пришёл в себя, тоже поднялся и ответил поклоном:

— Прощайте.

Он хотел было сесть и немного передохнуть, но увидел, что все продолжают тихо стоять на

месте, и после короткого замешательства понял, чего они ждут. Вздохнув про себя, он первым вышел из учебного зала.

Едва он переступил порог, как позади сразу стало шумно.

«...»

Сюн Цзиньчжоу ждал снаружи уже довольно долго. Увидев, что Нин Гуйчжу идёт, погружённый в мысли и даже не замечает его, он оставил попытки «красиво стоять» и подошёл:

— О чём задумался так серьёзно?

— А, ты уже здесь... — Нин Гуйчжу потер виски. — Ни о чём, просто мозг будто опустел, надо немного прийти в себя.

Увидев это, Сюн Цзиньчжоу отвёл его в тихое место и начал мягко массировать ему лоб:

— Дневное занятие начнётся в середине часа Вэй. Может, сходить в управу и немного поспать?

Сейчас было только начало полудня, времени на отдых действительно хватало.

— Это не будет неудобно?

— Не переживай, у меня есть отдельная комната, для дневного отдыха подойдёт.

— Тогда пойдём скорее поедим, а потом немного поспим.

Видя, что Нин Гуйчжу оживился, Сюн Цзиньчжоу повёл его из ткацкой мастерской. Поблизости не оказалось мест с едой, и им пришлось дойти до соседнего квартала Пинъаньфан, чтобы найти лавки с угощениями.

Неизвестно, из-за утреннего преподавания или нет, но, глядя на разнообразные уличные лотки и лавки, Нин Гуйчжу достал из кошелька медные монеты и протянул их Сюн Цзиньчжоу:

— Иди возьми, что сам хочешь поесть, а я подожду тебя у лотка с простой лапшой.

Сюн Цзиньчжоу нахмурился:

— Только лапшу будешь есть?

Нин Гуйчжу выглядел вялым, кивнул:

— Не хочется ничего жирного... кажется, может затошнить.

Видя, что он совсем без сил, Сюн Цзиньчжоу хотел что-то сказать, но проглотил слова. Сначала он проводил Нин Гуйчжу к лапшичной лавке, заказал ему лапшу и только потом пошёл искать еду.

В квартале Пинъань жили люди с более-менее достатком, поэтому уличных лавок с едой здесь было много, а цены не такие заоблачные, как в ресторанах.

Сюн Цзиньчжоу быстро нашёл то, что искал.

— Есть что-нибудь сладкое, чтобы аппетит разогреть?

— Есть! Напиток из саньюэпао, из «золотых шаров» и из шелковицы. Что возьмёте? — торговец быстро разливал сладкую воду, затем поднял голову, увидел Сюн Цзиньчжоу и на мгновение растерялся, но тут же вспомнил слухи о его женитьбе и с улыбкой добавил: — Если для фулана берёте, советую саньюэпао - он послаще.

Саньюэпао - это малина (или дикая ежевика), а «золотые шары» - мушмула. Дикая мушмула в это время года чаще кислая, а шелковица привлекает насекомых и может пачкать одежду, поэтому торговец и посоветовал более безопасный вариант.

Сюн Цзиньчжоу раньше таким не интересовался, поэтому просто сказал:

— Тогда дай чашку саньюэпао. Я потом посуду верну.

— Хорошо!

Торговец быстро налил сладкий напиток, взял деньги и залог за посуду, глядя вслед уходящему Сюн Цзиньчжоу и думая про себя, что этот начальник действительно хорошо относится к своему фулану.

Когда Сюн Цзиньчжоу вернулся к лапшичной, лапшу ещё не подали. Он поставил сладкую воду перед Нин Гуйчжу, сел рядом и сказал:

— Сначала попробуй это, чтобы аппетит появился. Я ещё схожу куплю что-нибудь.

Он пришёл стремительно, поставил сладкую воду и тут же снова ушёл.

Нин Гуйчжу опустил взгляд на чашку перед собой. Этот напиток был очень простым: раздавленные ягоды, залитые подслащённой водой, и несколько целых ягод сверху. Он зачерпнул ложку и попробовал - вкус был самый обычный, но почему-то казался особенно приятным, таким, что хотелось пить ещё. Ему даже показалось, что он сам себя накручивает.

— Ваша лапша готова! — хозяин поставил перед ним чашку и положил палочки. — Если хотите острого, добавьте сами у прилавка.

— Хорошо, спасибо.

Выпив половину сладкой воды, Нин Гуйчжу отставил её и попробовал лапшу. Неизвестно, как её готовили, но бульон оказался удивительно насыщенным, даже простая постная лапша стала вкусной. Он ел, когда наконец вернулся Сюн Цзиньчжоу.

— Почему сладкую воду не допил?

Сюн Цзиньчжоу плюхнулся рядом, откусил от лепёшки и поставил перед ним купленные специально пирожные из зелёной фасоли:

— Попробуй.

Нин Гуйчжу, подперев подбородок тыльной стороной ладони, посмотрел на него:

— Ты ведь все деньги, что я дал, потратил?

Сюн Цзиньчжоу отвёл взгляд:

— Осталось ещё семнадцать вэнь.

Нин Гуйчжу фыркнул:

— Тратить ты, конечно, умеешь. И себе ничего нормального не купил.

— Да моя лепёшка тоже вкусная! — тут же оживился Сюн Цзиньчжоу, поняв, что его не ругают за расточительность. — Мне такое нравится.

Нин Гуйчжу даже не нашёлся, что ответить. Раз уж всё уже куплено, возвращать смысла не было. Он велел Сюн Цзиньчжоу допить оставшуюся сладкую воду, сам доел лапшу и, выпив бульон, вытер рот платком:

— Сладости оставь в управе. Поешь днём, когда будет перерыв.

Сюн Цзиньчжоу, запихивая в рот последний кусок лепёшки, пробормотал:

— Может, ты лучше возьмёшь их с собой? Похоже, учить - дело утомительное.

— Не нужно.

По дороге в управу они как раз проходили мимо лавки со сладкой водой, вернули чашку и забрали залог в один вэнь.

Рука Сюн Цзиньчжоу, опущенная вдоль тела, чуть шевельнулась, и его пальцы осторожно зацепили руку Нин Гуйчжу. Тот не стал отдёргиваться. Их сцепленные руки скрылись под широкими рукавами одежды, укрывшись от посторонних взглядов и насмешек.

В уезде работало немало людей. Появление Сюн Цзиньчжоу и Нин Гуйчжу привлекло внимание окружающих. Все с любопытством разглядывали Нин Гуйчжу, но вслух лишь приветствовали Сюн Цзиньчжоу. Тот обменялся с ними парой фраз и повёл Нин Гуйчжу к своему жилью при управе.

Комната и правда была небольшой: кроме кровати для отдыха, у окна стояли маленький стол и две скамьи, на столе чайник. Сюн Цзиньчжоу взял его, потряс, убедился, что внутри пусто, и сказал:

— Пойду принесу воды, сейчас вернусь.

— Хорошо.

Нин Гуйчжу обернулся у кровати. Увидев, что Сюн Цзиньчжоу, выходя, даже прикрыл дверь, он невольно улыбнулся и стал осматриваться. Комната была тесной, вещей немного, но повсюду виднелись следы жизни: промасленные бумажные свёртки от еды, маленький глиняный кувшин в углу, сменная одежда, сложенная у края постели...

Скрип... Дверь открылась, и Сюн Цзиньчжоу вернулся с чайником:

— Не повезло, вода ещё горячая. Хочешь сейчас попить?

— Да, хочу.

Нин Гуйчжу подошёл ближе и наблюдал за его движениями. Сюн Цзиньчжоу перевернул чашку, налил горячей воды и подвинул к нему:

— Осторожно, не обожгись.

От воды поднимался пар. Нин Гуйчжу коснулся чашки кончиками пальцев, затем поднёс её к губам, подул и сделал глоток. Горячо, но терпимо. Допив, он почувствовал, что его клонит в сон. Зевнув, сказал:

— Пойду немного посплю. Если будешь выходить, закрой дверь.

— Не переживай.

Сюн Цзиньчжоу подошёл, вынул шпильку из его волос и поправил распавшиеся пряди.

Нин Гуйчжу снял верхнюю одежду. Увидев, что Сюн Цзиньчжоу всё ещё стоит рядом, он на мгновение задумался, затем сам сделал шаг вперёд и коротко обнял его. Не дав тому опомниться, он тут же лёг на кровать, укутался в одеяло и, повернувшись спиной, закрыл глаза.

Сюн Цзиньчжоу: «...»

Он провёл языком по внутренней стороне щеки, но всё же не стал тревожить отдых Нин Гуйчжу. Сел у окна, налил себе воды и неторопливо пил. Проходящие мимо люди, заметив его, уже собирались поздороваться, но Сюн Цзиньчжоу жестом показал им молчать. Те лишь почесали затылки и ушли.

У Нин Гуйчжу не было привычки спать днём, поэтому вскоре он проснулся. Полежал немного, глядя на балку под потолком, чувствуя необычную ясность в голове. Поняв, что больше не уснёт, он сел, оглянулся и заметил Сюн Цзиньчжоу, задремавшего у окна. Он осторожно подошёл, но его рука ещё не успела коснуться мужчины, как талию вдруг обхватили, и он оказался в объятиях.

— Подкрадываешься... Я уж подумал, вор какой-то, — с лёгкой улыбкой пробормотал Сюн Цзиньчжоу, затем сразу спросил: — Выспался?

— Угу... — Нин Гуйчжу почувствовал себя неловко в таком положении и похлопал его по руке.
— Отпусти, мне одеться надо.

Сюн Цзиньчжоу неохотно, но всё же отпустил.

Нин Гуйчжу надел верхнюю одежду:

— Почему ты у окна уснул? На кровати же места хватает.

— Я не собирался спать, — оправдался Сюн Цзиньчжоу.

Времени ещё было достаточно. Сюн Цзиньчжоу развернул принесённые сладости и начал уговаривать:

— Тебе ещё урок вести. Съешь пару кусочков, чтобы потом не стало плохо.

— Да не так уж всё серьёзно, — ответил Нин Гуйчжу. — Просто первый день, ещё не привык.

Нин Гуйчжу, хоть и возразил, всё же взял протянутый Сюн Цзиньчжоу пирог из зелёной фасоли. Тот оказался нежным и гладким, со сладковатым вкусом и лёгкой прохладой. Нин Гуйчжу понравилось. Он даже подтолкнул Сюн Цзиньчжоу:

— Ты тоже возьми.

Отдохнув немного, они встали и отправились обратно в ткацкую мастерскую. В учебном зале пока было почти пусто. Сюн Цзиньчжоу побыл с Нин Гуйчжу некоторое время, а когда ученики начали постепенно приходить, он ушёл.

— Здравствуйте, учитель.

Входящие ученики здоровались, занимали места по углам и украдкой поглядывали на Нин Гуйчжу, перешёптываясь. Он смутно различал в их разговорах своё имя и имя Сюн Цзиньчжоу. Подумав, он сам заговорил:

— Может, немного поболтаем?

Ученики здесь в большинстве были неграмотными, а правила поведения им заранее объяснили люди уездного судьи, чтобы они не шумели и не спугнули редкого учителя. Теперь, когда Нин Гуйчжу сам разрушил барьер, несколько юношей и девушек переглянулись и сразу оживлённо подошли ближе:

— Учитель, а вы давно с господином Сюн женаты? Он правда очень строгий?

«...»

Любопытство оказалось именно таким, какого он и ожидал.

Нин Гуйчжу ответил прямо:

— Полмесяца. Он хороший человек, дома совсем не строгий.

Услышав это, несколько ребят заметно обрадовались:

— Мы так и думали, что господин Сюн хороший! Вы не представляете, сколько снаружи говорят, будто после свадьбы он будет людей бить, слухи прямо страшные!

Нин Гуйчжу удивился:

— А вы так не думаете?

Он-то считал, что репутация Сюн Цзиньчжоу уже безнадежно испорчена.

— Нет, — сказала женщина постарше. — Господин Сюн служит у уездного судьи, значит, он точно хороший человек.

Оказалось, дело в «эффекте авторитета» от начальника. Нин Гуйчжу беспомощно улыбнулся:

— Похоже, надо ещё и господина уездного судью поблагодарить.

Несколько человек засмеялись и закивали:

— Именно так!

Поболтав ещё немного, Нин Гуйчжу с любопытством спросил:

— Я слышал от уездного судьи, что среди вас есть те, кто «сам себя заплёл»*... Можно спросить об этом?

— Об этом? Ничего страшного, можно, — одна из них указала на себя и на нескольких рядом.
— Во время войны нас захватили... кое-что пришлось пережить. После этого не хочется быть с мужчинами.

(ПП: цзышу-ньюй - это «женщины, которые сами себя причесали». Так называли незамужних женщин в Южном Китае (особенно в провинции Гуандун), которые давали обет безбрачия.)

Нин Гуйчжу не ожидал такого ответа, невольно затаил дыхание и сказал с сожалением:

— Простите, я не знал.

— Ничего, — махнула она рукой. — Уже хорошо, что живыми остались.

Она добавила с улыбкой:

— Только не подумайте, что все цзышу-ной такие, как мы. Кто-то боится рожать, кого-то насильно хотели выдать замуж за плохого человека... причин много.

Нин Гуйчжу понял, что она боится предвзятого отношения, и серьёзно кивнул:

— Я понимаю. Люди, которые не хотят вступать в брак и поддерживают друг друга - это тоже хорошо.

Если бы он не очнулся уже женатым, да ещё и с Сюн Цзиньчжоу, который оказался неплохим человеком, он, возможно, и сам присоединился бы к ним.

Увидев его отношение, улыбки всех присутствующих стали более искренними.

□□.

Поболтав ещё немного, они увидели, что время занятия приближается, и остальные ученики начали постепенно собираться. Нин Гуйчжу кратко повторил материал, который объяснял утром, затем сел за ткацкий станок и показал пример. После этого он разбил учеников на пары, чтобы те сами пробовали работать, а сам ходил между станками, в любой момент отвечая на вопросы.

Принцип ткачества был несложным, дальше всё зависело от практики. Это было дело не одного дня. Нин Гуйчжу, глядя на их кривоватые и неровные заготовки, не злился и не торопил, наоборот, даже выбрал несколько и похвалил.

Дневное занятие было короче, всего один час. Когда Нин Гуйчжу вышел из учебного зала, он увидел неподалёку Сюн Цзиньчжоу и уездного судью. Он вопросительно посмотрел на Сюн Цзиньчжоу.

Тот жестом показал, что всё в порядке.

— Господин.

Нин Гуйчжу подошёл и поклонился.

Уездный судья Чэнь с улыбкой сказал:

— Первый день преподавания, решил посмотреть, как у тебя дела. Всё прошло гладко?

Нин Гуйчжу рассказал ему несколько небольших забавных случаев с урока, а затем подвёл итог:

— Они учатся очень старательно. Если сохранят сегодняшний настрой, через пять-шесть дней уже смогут ткать самый простой вид ткани.

Уездный судья, услышав это, остался крайне доволен:

— Работай как следует, этот чиновник тебя не обидит.

Нин Гуйчжу с улыбкой поклонился:

— Тогда заранее благодарю, господин.

Обсудив дела обучения, уездный судья Чэнь не стал задерживаться, отказался от сопровождения Сюн Цзиньчжоу и неспешно ушёл. Когда его фигура скрылась из виду, Нин Гуйчжу заметно расслабился. Сюн Цзиньчжоу, увидев это, усмехнулся:

— Так боишься?

— Не то чтобы боюсь... просто говорить утомительно.

Перед тем как что-то сказать, приходится прокручивать это в голове несколько раз, чтобы случайно не обидеть. У Нин Гуйчжу не было такого опыта, и это сильно выматывало.

Сюн Цзиньчжоу не до конца понял, как можно «устать от разговоров», но раз устал, значит, устал:

— Тогда пошли домой. Время ещё есть, у городских ворот должны быть повозки.

— Хорошо. - Нин Гуйчжу с улыбкой согласился.

С мясом и оставшимися с обеда сладостями они вышли из города, выбрали почти заполненную повозку и, покачиваясь в дороге, добрались до деревни Сяохэ. Отдав медные монеты, они завершили сегодняшний день работы.